

Подождавше же мало мышь и виде ползуща из щели торокана, и поймавши же его, приведоша на соборище мышам. И поругашеся ему кояждо, зубаминосяще. И пометавше его на землю, и приступи едина от них, и ухватиша его зубами, и удавиша. Притча (являет), яко не подобает преже видения слухом самим смущатися.³

Оригинальная по сюжету, басня эта, однако, еще следует повествовательным шаблонам Аккурсианы, хотя и не обладает столь компактной и строгой однолинейностью. Так, композиционная посылка притчи уже в завязке перебивается новым мотивом («и хотящим им розно бежати, и умыслиша едину послати от мышей, что есть за шум»), в русло которого и направляется дальнейшее течение фабулы. Мало характерна для Аккурсианы композиционная пауза: «пождавше же мало мышь и виде...», — равно как и сегментация развязки: «И поругашеся ему кояждо, зубаминосяще. И пометавше его на землю, и приступи едина от них, и ухватиша его зубами, и удавиша». Но и тут несколько беспорядочная детализация действия не знает, как и Аккурсиана, живописующих и колористических элементов. Что же касается нравочения, то оно дословно выписано из басни «О льве и о жабе» того же перевода Гозвинского (№ 33).

Повествовательнее более отточена притча «О псе и о мельнице». Сочиненная кем-то из переписчиков, она внесена в один из списков IV редакции перевода Гозвинского (ГПВ, собр. Титова, № 1903, л. 116—116 об., рукопись 1650-х годов) и выполнена в тех же формах нейтрально книжной славяно-русской речи, что и текст самого перевода.

О псе и о мельнице

В некоей веси стояше на реце мельница. И приходяше в нея пес вельми злокозен и лизаше муку. Мельники же того пса многожды биша и от сего отлучити не возмогоша.

Некогда же пес рек к ним: «Не можете мя от сего моего естественного нрава отлучити — разве мене извести или мельницу разнести».

Толк: таков убо нрав злотворных человек: аще и наказание над собою видят, но от прежняго нрава не престають, донележе шиблице предани будут.

Примечательна композиционная строгость фабулы, логическая стройность и ясность ее изложения. Экспрессивно выделяется рифмованная концовка. Вместе с тем и эта басня исходной локализацией действия («В некоей веси стояше на реце мельница...»), а также подчеркивающими характеристиками и акцентами («вельми злокозен», «многожды биша») несколько отходит от схематического лаконизма Аккурсианы и следует не столь самому переводу Гозвинского, сколько его позднейшим, повествовательнее и ощутимее осложненным редакциям.

Но старший из русских переводов Эзопа только вводит басню в круг назидательно-дидактического, хотя и не лишнего известной занимательности, чтения. Тщательнейшее следование древнегреческому тексту Аккурсианы тут как бы консервировало характер оригинала на русской почве и вело к известной инородности «Притч или Баснословия Эзопа Фриги» изобразительно-речевым традициям древнерусской литературы. Эстетическая ассимиляция басни намечается позже и отражается в экспрессивно-речевом, композиционном и даже сюжетном приспособлении переводных притч к литературно-художественным формам русской книж-

³ Пространнее поздний вариант этой басни в рукописи ГБЛ, собр. Полякова, № 2, лл. 144—145 об.